

В. Н. Кубочкина

«И МОЖЕТ СОБСТВЕННЫХ ПЛАТОНОВ И БЫСТРЫХ РАЗУМОМ НЕВТОНОВ» СИБИРСКАЯ ЗЕМЛЯ РОЖДАТЬ...

Середина 1960-х гг. прошлого столетия. Москва. Высотный дом на Котельнической набережной. Уже далеко за полночь, а мы все говорим, говорим. Мои собеседники – Леонид Федорович Ларионов, – ученый с мировым именем, наш земляк и его супруга Анна Федоровна. Вспоминаем очень многое: Березово, Тобольск, Салехард, Тюмень, Томск, Ленинград и, конечно, своих родных и близких.

Для нашей семьи все поколения Ларионовых – нечто большее, чем просто знакомые.

Наутро я поехала на свои курсы, из-за которых и оказалась в столице, а Леонид Федорович за границу, на очередной консилиум. Но и в метро, и на лекциях вспоминала о прошедшем вечере и была уверена, что и моих друзей эти разговоры не оставили равнодушными.

Теперь, думаю, настало время представить героев, которые будут фигурировать в моем очерке – людей, чьи имена навсегда оказались связаны с историей Сибирского региона.

Глава семейства – Федор Филиппович родился в 1876 г. в семье крестьянина, в Томской губернии. Окончил приходское и уездное училища, затем в 1893–1896 гг. учился в Омской учительской семинарии, по окончании которой один год проработал в Тобольском уездном училище. После этого 14 лет (с перерывом в два года) – в Березово, потом была Тюмень, вплоть до 1914 г. Обратимся сначала к «северному» периоду жизни Ф. Ф. Ларионова. Одним из его учеников этого времени – В. И. Таскаевым написаны о нем воспоминания, и я не могу не обратиться к ним.

«Это был стройный человек с черными, как смоль, волосами и такими же черными, серьезными глазами, от взгляда которых мы, ученики, нередко отворачивались, особенно провинившиеся. Он был всегда опрятно одет в учительскую форму, хорошо выбрит, носил длинные усы, которые часто покрывал, особенно при серьезных беседах. Ходил твердой, неторопливой, уверенной походкой. Когда он во время учительских дежурств прогуливался по длинному коридору школы, заложив руки за спину, казалось, что он о чем-то глубоко задумался. Федор Филиппович не курил, не употреблял спиртных напитков, был требователен, но в то же время веж-

Л. Ф. Ларионов
1956 г.

Очерки
из нравственной
жизни сибиряков

У крестьянской молодежи Сибири имеется множество различных увеселений. Из таких увеселений или препровождений времени в праздничные дни у крестьян первое место занимает так называемая вечерка. Вечерками у крестьян называются собрания молодежи обоего пола пред вечером в какой-либо откупленный для сего дом для препровождения в

Очерки
из нравственной
жизни сибиряков

нем времени в интимных беседах, песнях, плясках и многом другом худшем и весьма сходным с происходящим у сектантов после богомолья. Безнравственнее, невежественнее, грубее этих у крестьян вечерок ничего невозможно представить. Все, что происходит в доме терпимости или иначе в публичном доме, то гораздо сноснее того, что происходит на вечерках. В этом моем положении убедится читатель при изложении следующих обстоятельств, сопровождающих вечерки. Вечерка начинается следующим образом. В праздничные дни. 1-й день Рождества Христова, Новый год, 1-й день Крещения Господня, в престольный праздник три дня первых и другие праздники особенно бойкие и ловкие крестьянские молодцы нанимают у какого-либо бедняка просторную избу и с 12 часов дня начинают ходить по домам крестьян, у которых есть дочери-девицы, приглашая их довольно наивно на вечерку в этот дом. Пригласив всех или иначе обойдя все дома девиц приглашатели запрягают в сани лошадь и ездят по селу с песнями и

лив и внимателен к своим воспитанникам. С такими замечательными качествами он не случайно был одновременно и инспектором училища и с успехом управлял коллективом учителей... Беспокоился Ларионов и о материальном состоянии учеников из бедных семей. Он устраивал платные постановки на подмостках школы и на вырученные средства приобретал мануфактуру, из которой шились ученические костюмы и по праздничным дням выдавались особо нуждающимся ученикам. В организации этого благотворительного дела горячее участие принимала жена Федора Филипповича – Мария Андреевна, которая вовлекала других. На средства от платных постановок были приобретены также музыкальные инструменты для струнного оркестра. Был организован и школьный хор, он тоже пел по нотам. Исполнялись песни «Дубинушка», «Ты взойди, солнце красное» и другие. Весной и летом устраивались пикники, в которых участвовала вся школа. Брали с собой музыкальные инструменты, мячи, удочки, устраивали игры, удили рыбу, разводили костры, кипятили чай. Весело и приятно проходил день, вечером все возвращались в Березово. Физическое воспитание детей в то время выражалось в исполнении сокольской гимнастики – движения тела в разных позах под счет. Затем – работа на снарядах. Все они были приобретены для школы благодаря заботам Федора Филипповича. А самым главным было приобретение 50 пар лыж, но не таких, на каких сейчас бегают молодежь, а широких, хантыйского типа, на которых можно ходить по рыхлому снегу. Федор Филиппович организовал в 1899 г. в Березове и первую библиотеку на добровольные пожертвования, назвали ее Пушкинской. Со временем библиотека перестала вмещаться в отведенную ей комнату, и пришлось делать специальные шкафы почти до потолка высотой и устанавливать их в коридоре. Ко всему надо сказать, был наш учитель большим непоседой, любил свежий воздух, природу, охоту... При всех этих заботах и занятиях он никогда не забывал о семье, старался создать культурный домашний очаг... Летними вечерами, когда случалось проходить мимо квартиры Ларионовых, из открытых окон можно было услышать приятные звуки единственного тогда в Березове пианино, на котором играла Мария Андреевна, и мелодичный голос скрипки Федора Филипповича...

Направить ученика по правильному жизненному руслу – очень большая и ответственная работа, владеет этим не каждый, так как нужно в первую очередь себя воспитать так, чтобы живым, повсечасным в глазах своих воспитанников примером быть, помня о пословице: что посеешь, то и пожнешь. Посеяно Федором Филипповичем было отлично. Вместе с Марией Андреевной они дали сыновьям хорошее образование: оба сына пошли дальше родителей, стали крупными специалистами, профессорами. И среди тех, с кем я учился в школе, я не знаю людей, не полезных для общества. Это еще раз подчеркивает качества воспитания, которое дал нам Федор Филиппович Ларионов.

Таким был наш учитель, память о котором будет храниться до последних дней моей жизни».

Я считаю, что это лучшая характеристика педагогической деятельности Ларионова.

В течение многих лет Ларионовы – старшие писали дневники, которые в конечном итоге вылились в большое произведение объемом в несколько сот страниц рукописного текста, которое озаглавили «Семейная хроника». Сам глава семьи так говорил об этом: «Мне кажется, что рассказ о длинном пути, пройденном мною от крестьянского мальчика, выросшего в сибирской деревне, до преподавателя и научного работника педагогического института, может представлять интерес не только для членов моей семьи, но и для более широкого круга людей, особенно для специалистов по истории культуры Западной Сибири», и это действительно так. С каким интересом перечитываем мы сейчас, спустя много десятилетий эти строки, переносясь в прошлое, знакомясь с его яркими страницами. И тут находим колоритное описание сибирской природы, быта, обычаев, нравов аборигенов, охоты, путешествий на лодках по Оби, Казыму, Сосьве, буднях и праздниках школьных учителей, семейной жизни, общественной деятельности, истории края. Приведу из этой летописи отдельные ее страницы.

Вот как он, например, описывает свое первое впечатление от Березово.

«Я не без волнения подъезжал к городу, но показавшееся впереди небольшое белое каменное здание как-то приветливо взглянуло на меня, и я бодро вступил на Березовскую почву. Здание это оказалось простой кладовой казначейства, предназначенной для хранения казенных денег. А дальше пошли невзрачные домики из простых сосновых бревен с окнами нормальных размеров. Словом, я увидел не то, что ожидал увидеть на основании известной картины Сурикова «Меньшиков в Березове», где изображен Меньшиков, сидящий в доме из очень толстых «кондовых» сосновых бревен с узкими подслеповатыми окнами. Поместившись на квартире, я перешел к более подробному ознакомлению с городком, и, прежде всего, с его историческими достопримечательностями. Дома расположены без особого порядка, но в конце концов из них складывается несколько улиц, которые легко обойти в течение часа. Здание уездного училища старое, ветхое. Каменный собор поражает своей приземистой, тяжелой формой. Около собора находится могила дочери Меньшикова, которая была здесь похоронена со своими детьми. Вторая церковь по другую сторону оврага – деревянная, известная под названием Богородской, производит более приятное впечатление своей легкой архитектурой. Около нее расположена огромная старая лиственница, возраст которой можно оценить в 250–300 лет; возможно, что под ней в свое время сживал престарелый и всегда печальный Александр Данилыч Меньшиков. Где-то тут близко прежде стояла построенная им церковь, впоследствии сгоревшая; неподалеку находился, также сго-

Очерки из нравственной жизни сибиряков

игрой в гармонику, показывая этим самым своим товарищам, что будет скоро вечерка, на которую все безотлагательно и являются. Девицы или по предположению найти себе жениха или в силу слабости своего характера и силы воли и пылкости страстных влечений не оставляют без последствий приглашения молодцов и редко что не все идут на вечерку. Так вот, когда все соберутся, то начинается так называемая вечерка. Каждый молодец избирает девицу и сажает ее к себе на колени, надевая поцелуями и гостинцами. Музыканты играют на гармониках, а все присутствующие поют песнь под аккомпанимент гармоники, кроме одного, который ходит по избе и притаптыкает ногой. Когда первая песнь кончается, то ходивший по избе подходит к своей девице и, целуя ее, сажает на колени, а на середину выходят несколько молодцов и начинают другую песню, которую заиграют музыканты, и потом запоют все присутствующие на вечеринке общим хором. Такая перемена расхаживающихся продолжа-

Очерки
из нравственной
жизни сибиряков

ется до тех пор, пока все не перебивают на середине. Когда все перебивали на середине, начинается пляска под аккомпанемент гармоники. Выходит на середину молодец и вызывает к себе девицу по очереди и пляшут, неоднократно осыпая друг друга поцелуями. Так продолжается до тех пор, пока не насладится каждый подобными играми, выпивая в то же время и водку по секрету со своими девицами, и ощущая чувство страсти при посредстве осязания руками особенностей прекрасного пола. Разгоряченные же винными парами при ощущении сильных страстных влечений в конце всего расходясь часу в первом ночи с вечерки, устраивают и совсем не приличное, похожее на свалку хлыстов. Вот таким образом каково вкратце содержание происходящего на вечерке. Едва ли подобные вечерки не хуже домов терпимости, где нравственность присутствующих заканчивается порчею и ничего не имеет общего со всем обществом города или деревни, в коем находится этот дом. В деревне вечерки охарактеризовывают общую безнравст-

ревший, дом, в котором проживал он со своей семьей. На самом склоне осыпающегося берега находится часовенка, построенная, как мне кажется, на месте могилы Меньшикова его родственниками, которые не имели возможность сделать это открыто на могиле государственного преступника. На маленьком кладбище, рядом с другими крестами, находится крест, поставленный кем-то над могилой Остермана. Несколько поодаль, вытянувшись вдоль берега, находится прекрасная молодая лиственничная роща из деревьев приблизительно одинакового возраста. Каким образом возникла эта роща? Уж не из семян ли, сознательно высеянных рукой человека? Березы, которая дала повод назвать этот населенный пункт «Суматваш», т. е. березовый город, я нигде не нашел. Однако же остяки, как мне рассказали, продолжают хранить память об этом священном месте и, проезжая мимо него, бросают в реку деньги. Впоследствии я получил еще ряд дополнительных сведений о Березове и его районе.

Город Березов основан в 1593 г. как административный центр обширного, только что покоренного края. Вначале он был обнесен деревянной стеной в виде забора и неоднократно подвергался нападению туземцев-остяков, вогулов и даже самоедов (ненцев), приходивших сюда с севера. Теперь о крепостной стене нет и помину, и о военном прошлом города, населенного когда-то казаками, напоминают только две валяющиеся на берегу старинные пушки да казацкие фамилии некоторых мещан города...».

Читая «Семейную хронику», поражаешься теплоте, искренности, чистоте человеческих отношений. Тут нужно пояснить, что со своей будущей супругой, 18-летней девушкой, он познакомился, когда та со своим отцом ехала из Тобольска после окончания Мариинской гимназии в Обдорск (Салехард) через Березово. И было это в 1901 г.

«Так начался мой роман. В течение следующих дней я привел свои мысли и чувства в порядок и принял решение написать Марии Андреевне письмо и просить ее руки. Решение было неожиданным для меня самого. Я писал: «Простившись с Вами, я почувствовал, что лишился чего-то дорогого, любимого, без чего мне жизнь показалась лишенной интереса. Это побуждает меня сделать решительный шаг... Делая так, я прекрасно вижу, что поступаю не вполне последовательно, не заслужив даже Вашего уважения, не говоря уже о любви. Люди, решающие подать другу руки, чтобы вместе пройти жизненный путь, должны, конечно, лучше познакомиться, чем мы с Вами. Но на этот раз я сделаю исключение и поступлю так, как велит мне сердце. При этом я не хочу вводить Вас в заблуждение на счет моих недостатков. Высшим качеством человека считаю доброту, просветленную разумом, способную сочувствовать горю и радостям ближнего... Если Вы, Мария Андреевна, решитесь на мой вопрос ответить «да», то пишите, пожалуйста, скорее и пошлите свою фотографическую карточку. Последнее будет служить для меня флагом удачи».

Очерки
из нравственной
жизни сибиряков

В заключении он выразил желание с наступлением каникул приехать в Обдорск, чтобы лучше узнать друг друга и также ближе познакомиться с ее родителями. С самой последней зимней почтой Мария Андреевна ответила согласием. И вот продолжение этой истории.

«Было начало июля, но кое-где в глубоких оврагах по берегу Полуя еще белел снег. Когда пароход пристал к берегу около Обдорска, я увидел среди немногочисленной публики Марию Андреевну. Она была в шляпе с вуалеркой и costume городского покроя. Хотя я и мог думать, что она пришла сюда специально для того, чтобы повстречаться со мной, у меня все же мелькнуло в голове: «Пойдет ли за меня замуж такая барышня?» Но делать было нечего, следующий пароход был через месяц. Я сошел с парохода, поздоровался с хрупкой городской девушкой, которая имела к тому же такие маленькие нежные ручки. Я сразу почувствовал себя некрасивым в неприглядном старом costume. Я задал ей неудачный вопрос, над которым мы потом долго смеялись: «У вас здесь есть извозчики?» (Я был озабочен перевозкой своего чемодана)... Дальше пошли беззаботные, безоблачные дни, когда мы не замечали течения времени.... Теперь, когда я приходил в дом своей невесты, то смог видеть энергичные приготовления к свадьбе: приглашенные девушки что-то кроили, шили, вышивали... При возвращении из церкви новобрачные были встречены родителями с хлебом-солью и приняли от них благословение.»

Нужно сказать, что кроме работы в училище у Ф. Ф. Ларионова были еще многолетние метеорологические наблюдения, результаты которых собирались, обрабатывались, а потом посылались в екатеринбургскую магнитную и метеорологическую обсерваторию. За это впоследствии он получил звание члена-корреспондента главной физической обсерватории.

В 1903 г. он решает уехать в Петербург для поступления в университет. После учебы снова любимое Березово. Увлечение научной работой привело его к мысли вернуться в университет на кафедру ботаники. Тем более, что и приглашение такое у него было. Но... В 1914 г. началась Первая мировая война, которая смешала, спутали все планы. И он с семьей приезжает в Тюмень. Здесь он и стал работать в высшем начальном училище, педагогике и в педагогическом институте. С этого времени судьба нашей семьи и стала связана с семейством Ларионовых. А начало всему положил непредвиденный случай. Проказы моего отца, ученика высшего начального училища, гнев строжайшего инспектора Федора Филипповича, угроза исключения (но, к счастью, финал, был благоприятным). Об этом случае писал мой отец в своих воспоминаниях («Мои воспоминания» Н. В. Кубочкина опубликованы в «Сибирском историческом журнале» № 1, 2).

Сначала Ларионовы жили в доме моей бабушки на улице Ирбицкой (тут-то и завязалась дружба отца с Вячеславом – «Вячей»

венность народонаселения и настолько укоренились в обществе, что ни проповеди, ни строгие взывания пастырей церкви не действуют. Родители же вечерников только любят поступками своих девушек и при случае появления особого живого существа как резюме всего происходящего на вечерках пособляют уничтожением. Вот от чего от редкой женщины на исповеди не приходится слышать о не погублении ей ее собственного дитя — плода вечеров. Ужели же начальство не может принять никаких мер против этих вечеров, как оно принимает меры против театральных и увеселительных заведений, бывающих в такие великие дни как, например, Рождество Христово, Крещение Господне и другие?! Тогда как вечерки гораздо хуже всего театрального?! А без участия начальства гражданского никакие меры духовенства не могут противодействовать устройству этих безнравственных и безнаказанных развлечений деревенской молодежи.

Священник Евгений
Ланбышев
23 ноября 1889 г.

Очерки
из нравственной
жизни сибиряков

Предсвадебная
вечеринка
в Сибири

В настоящее время в жизни крестьян и вообще низшего класса народа весьма редко можно встретить чего-либо нравственного и христиански-религиозного. Все Божеское и чисто христианское вытеснено на задний

и Леонидом — «Лелей» на всю жизнь), потом переехали на улицу Нагорную, тоже в Затюменке. И только много позднее — в дом на улице Красина 12 (бывшая Телеграфная, теперь здесь стоит фешенебельное здание Тюменского госуниверситета).

В нашем домашнем архиве сохранился аттестат об окончании «Полного курса учения в Тюменском втором мужском высшем начальном училище» моим отцом Николаем Васильевичем Калугиным. Документ датирован 1918 г., первым под ним стоит подпись инспектора Ф. Ф. Ларионова...

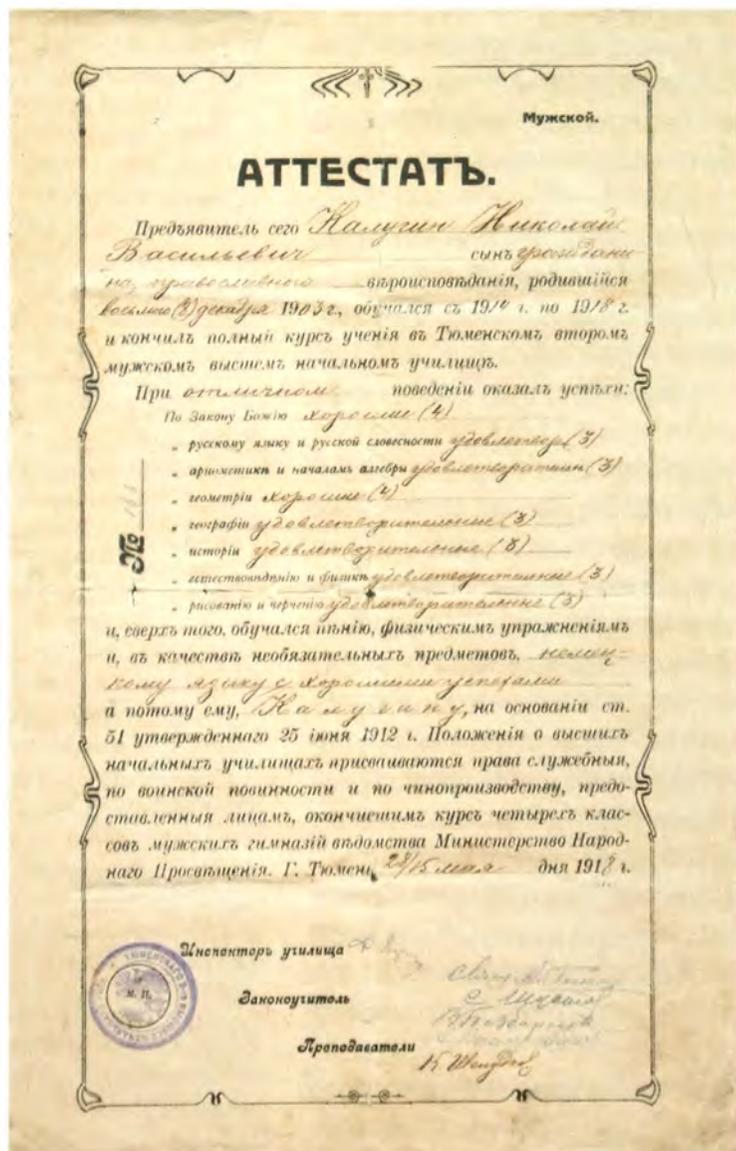
Перед войной они уехали в Киев, но, к счастью, успели эвакуироваться, а потом жили и в Москве и в Ленинграде, где работали их сыновья.

Впервые я познакомилась с Ларионовым старшим в 1945 г., когда мы были в Москве проездом в город Львов, к новому месту военной службы моего отца. Я запомнила Федора Филипповича сидящим в кресле и читающим по Брайлю (техника чтения для слепых), он был совершенно слепым. Огромные тома французской и американской классической литературы: Стендаль, Золя, Драйзер. По дому хлопотала гостеприимная Мария

Андреевна. Внешне она выглядела так: невысокого роста, с большими черными глазами, энергичная, подвижная. Увидела ее и сразу вспомнила рассказ отца о том, что, наверно, за это как-то по-доброму, не унижая ее достоинств, ученики дали ей прозвище «жужелица», или просто звали «жужалкой».

Моя мама долгое время переписывалась с ней, но письма, конечно, не сохранились. Отец сохранил к этой чете самое уважительное отношение.

Теперь расскажу об их детях. Сейчас может показаться неправдоподобным и высокопарным, но за достоверность факта я ручаюсь. На улице Нагорной, где они жили в детстве, росло огромное дерево, на которое любили забираться мальчики. Сидя на нем, они громко кричали, что непременно будут учеными. И именно тогда и там дали своеобразную «аннибалову клятву», как в свое время Герцен и Огарев, посвятить свою жизнь Отчизне. Так оно и сложилось: оба закончили Томский университет, Ле-

онид медицинский, а Вячеслав биологический факультеты, став в дальнейшем учеными с мировым именем.

Леонид Федорович долгое время жил в Ленинграде, в 1950-е гг. переехал в Москву, стремительно поднимаясь по служебной лестнице: профессор, доктор медицинских наук, член-корреспондент, позднее был избран действительным членом академии медицинских наук СССР, лауреат государственной и сталинской премий. Практически он, наш земляк, стал первым академиком советского времени. Его «детище» — Институт экспериментальной и клинической онкологии академии медицинских наук СССР, которому он отдал многие годы своей жизни. Но путь ученого не всегда усыпан розами. Иногда в его рассказах проскальзывала мысль и о терниях: борьбе течений в науке, синяках и шишках, полученных от вышестоящего начальства, своего рода конкуренции и неладах с Блохиным, в ту пору возглавлявшим Академию медицинских наук. Тогда все это было мне не понятно...

Семья Ларионовых я посещала всегда, когда мой путь лежал в Москву или через нее, а это было не так уж и редко. Сначала учеба в ленинградском вузе, затем служебные командировки, курсы, семинары. Должна сказать, что семейная обстановка, сам уклад жизни старшего брата Леонида носил, скорее, аристократический характер, у младшего брата Вячеслава все было более демократичным.

Они свободно владели иностранными языками (сегодня никого этим не удивишь, а тогда...).

Леонид Федорович часто бывал за границей: конгрессы, симпозиумы, консилиумы. Однажды он был приглашен на Всемирный конгресс онкологов в Париж. Доклад готовил на французском языке, нанял репетитора — именно парижанина для тренировки в языке. И это не прошло незамеченным: все присутствующие были поражены его произношением — и, естественно, ему задали вопрос: «Месье Ларионов, сколько лет Вы жили в Париже?». И каково же было удивление, когда он сказал, что во Франции он впервые.

А его рассказ о поездке в Великобританию! Прием королевой Елизаветой, все сопутствующие этому ритуалы: шотландская гвардия, торжественный ужин, облачение в традиционную мантию и особый головной убор.

Леонид Федорович получил роскошную квартиру в высотном доме накануне Всемирного конгресса онкологов, который проходил в Москве. Первоначально она принадлежала режиссеру Пырьеву, но когда он разошелся с актрисой Мариной Ладыниной, в ней поселились Ларионовы.

Участники конгресса, ученые со всего мира были приглашены к ним домой на товарищеский ужин. Когда гости вышли на балкон, увидели огни ночной Москвы, всю эту прекрасную панораму, то один американский ученый воскликнул: «Господин Ларионов! Вы живете как буржуа!». По тем советским временам все это было, конечно, необычно...

план, а преобладающими явились одни суеверия, предрассудки, распушенность нравов и забота о теле, но не о душе, которая остается забытой и убогой в среде забот о теле. Столкновение таких преобладающих направлений жизни народа доходит, нужно сказать, в настоящее время до чрезмерных границ, и человек с таким направлением едва ли достигает состояния преддопотопного.

В Сибири особенно это можно встретить во всем.

Приведем для наглядности нижеследующий случай из жизни крестьян сибиряков, по которому бы можно хотя отчасти судить о их безнравственной жизни. Так, по вездe принятому порядку сибиряков пред браками бываюT так называемые предбрачные вечеринки. Эти вечеринки, несмотря когда бы они не приходились, например, на субботу, на воскресенье или другие большие праздники, совершаются так. Вечером в дом невесты собираются девицы и родственники нареченных супругов и поют песни, угощаются водкой, пивом и

*В. Ф. Ларионов.
Биологическая
станция
в Останкино. 1948.*

**Очерки
из нравственной
жизни сибиряков**

гостинцами. Угощаясь сколько следует и пропев положенные песни, все переходят в дом жениха, а сваха с известными суевериями, причитаниями выводит жениха и невесту за двери и сажает их на поданную телегу или сани и отправляет их в дом жениха, причем невесту для приличия какого-то сопровождает подруга ее. Посидев и угостившись довольно в доме жениха, девицы и все лишние люди уходят, а сваха

Леонид Федорович внес свою лепту в практическую медицину. Хорошо помню, как в конце 1950-х гг. в одной из центральных газет были помещены две фотографии под общим заголовком «Сденек будет жив!». На одной из них запечатлен Ларионов, передающий командиру экипажа самолета, вылетающего по маршруту Москва-Прага, очень ценное лекарство, изобретенное им, на другой — десятилетний чешский мальчик, которому оно предназначалось.

В телепередаче «Встречи с А. И. Солженицыным» (октябрь 1994 г.) совершенно неожиданно для меня снова прозвучало имя Леонида Федоровича, лекарством которого был излечен писатель.

Очень душевно относились Ларионовы и к бедам своих друзей. Когда мне и моему брату потребовалась высококвалифицированная медицинская помощь, она была оказана (обследование и операция в знаменитом МОНИКИ — Московский областной научно-исследовательский клинический институт).

У Ларионовых двое детей — дочь Галя, окончила Ленинградский университет, получила ученую степень. Сын Слава учился в Московском медицинском институте, стал врачом.

Вячеслав Федорович Ларионов заведовал кафедрой орнитологии на биологическом факультете МГУ. Однажды он повез меня по Москве на своем москвиче (как же изменились времена! Тогда было сенсацией — у него своя машина!) и показал новое здание, только что построенное на Воробьевых (Ленинских) горах, куда с Моховой переехал его факультет. Мне сразу вспомнился тогда рассказ моего отца об «аннибаловой клятве» его друзей...

Очерки
из нравственной
жизни сибиряков

Вячеслав Федорович – доктор биологических наук, профессор, руководил еще и биологической станцией университета, которая располагалась в Останкино, где в течение многих лет находилась и его квартира. Мне всегда выпадала доля ночевать в его кабинете, в котором было огромное количество чучел разных птиц (до сих пор, кажется, ощущаю этот специфический запах) и множество стеллажей с книгами, изданных на различных языках народов мира – во многих из них были и труды нашего ученого земляка. Знаю еще, что во время войны он для фронта выводил почтовых голубей, а после ее окончания – знаменитого белоснежного голубя мира.

Вячеслав Федорович побывал во многих странах мира. Запомнился такой факт: перед Всемирным конгрессом в Индонезии, где ему предстояло делать доклад по орнитологии на немецком языке, он много тренировался в разговорной речи, посещая вечерами знаменитый тогда ресторанчик на Останкинской телебашне, где бывало в ту пору много туристов из Германии.

Конечно, для современной молодежи те факты, о которых я пишу, кажутся обыденными, не вызывающими удивления. Но надо помнить, что тогда было совсем другое время, когда и приобретение простой машины, и поездка за границу были настоящей сенсацией!

Первая жена В. Ф. Ларионова, родом из Киева, также имела ученую степень, настоящий интеллигент. Детей у них не было. Поэтому все свободное время отдавала она музыке, театрам, музеям. И считала своим долгом и меня, провинциалку, «выводить в люди». Помню наши посещения классических опер и балетов в Большом театре.

Но позднее Вячеслав Федорович женился второй раз на своей лаборантке Марии Маркеловне. Я бы сказала, что она была слишком простоватой для маститого ученого. Но, тем не менее, они были счастливы. У них появились сыновья Олег и Игорь. Смешленные мальчуганы, с которыми я любила играть. Знаю, что Олег блестяще окончил высшее техническое училище им. Баумана.

Мария Маркеловна почему-то всегда старалась повести меня на ВДНХ – то показать павильоны, то прекрасные фонтаны. Жили они тогда недалеко от этой достопримечательности столицы.

Кстати, их станция была рядом со строящейся Останкинской телебашней. Тогда я, конечно же, не знала, что она возводилась по проекту нашего земляка Н. В. Никитина. Совсем близко стоял также дом, который усиленно охранялся. Ходили слухи, что там жил какой-то выдающийся деятель. Только позже все узнали, что это – Сергей Павлович Королев, а после его смерти эта улица стала носить имя Королева.

Потом биологическую станцию перевели в другое место, а Ларионовы переехали в так называемый экспериментальный элитный дом, построенный для ученых, недалеко от Ленинградского проспекта.

В. Ф. Ларионов частенько бывал в Тюмени, встречался со своими друзьями, занимался научной работой, читал лекции в нашем пединституте и ездил с моим отцом на любимое с юности

укладывает нареченных спать вместе, причем при невесте кладется и подружка ея, только по другую сторону невесты. Спят нареченные в таком порядке всю ночь. Утром рано уходит для чего-то и свидетельница, подружка невесты, и нареченные остаются одни. Бывает и хуже еще сего, а именно, когда невеста уходит в замужество не добрым порядком, а так называемым убогом, то она живет и спит при женихе и подружке даже более недели в доме жениха. Чего же тут нравственного?! В подобном поступке едва ли не забыто: Бог, закон и стыд?! И притом, надо сказать, что такие обычаи вошли в закон, неким не могущий быть измененным, кроме Светской Власти, так как убеждения и угрозы пастыря нынче ничтожны. Много есть и другого подобного сего и худшего в Сибири, что в свою очередь будет описано.

Священник
Евгений Ланбышев

23 ноября 1889 г.

Андреевское озеро. Кстати, оба они были одними из первых мастеров спорта СССР по стендовой стрельбе.

Л. Ф. Ларионов побывал в Тюмени только раз, после почти полувекового перерыва. В конце 1960-х гг. у нас в областном центре проходил зональный симпозиум по онкологии на базе онкологического диспансера. Помню, в аэропорту Рощино его встречала вся высокая медицинская общественность области. И как были все удивлены, когда, поздоровавшись со всеми, Леонид Федорович направился к отцу (я тоже была с ним) и поехал к нам домой. Тогда еще никто не знал, что он наш земляк, что именно на сибирской земле прошли его годы детства и юности...

К сожалению, после ухода из жизни наших друзей, переписка с их детьми прекратилась. На память в семейном альбоме остались лишь фотографии с дарственной надписью моему отцу.

Я очень благодарна Березовскому краеведческому музею, издательству «Югра», ГТРК Регион-Тюмень, сохранившим для потомков имя родоначальника династии Ларионовых – Федора Филипповича. Самой мне неоднократно приходилось выступать на конференциях в прессе с предложением увековечить память знаменитых земляков, присвоив одной из улиц областного центра (где они дали «аннибалову клятву») – Нагорной их имя, но мое слово пока никем не было услышано. Жаль...

В. А. ДАНИЛОВ

ПОМНИТЬ*

** В декабре 2005 г. исторический факультет ТюмГУ отметил свой 60-й юбилей. Публикуемые воспоминания принадлежат перу доктора исторических наук, профессора Института истории и политических наук, стоявшего у самых истоков его рождения — Владимиру Алексеевичу Данилову. Сегодня этого замечательного человека, педагога, сподвижника и основателя факультета уже нет с нами...*

К настоящему времени написал и опубликовал уже пять материалов (я не решаюсь называть их статьями или воспоминаниями, это что-то другое, совершенно иной жанр). Подготовил шестой, в работе находится седьмой. А ведь когда-то, несколько лет назад, начиная все это мероприятие, думал всего лишь о нескольких зарисовках на десятке страничек. А теперь вроде пора бы и завершать. Но в памяти вновь и вновь всплывают факты, события, имена, сцены. В какой-то степени своеобразным толчком стало юбилейное издание, посвященное 75-летию родного института. Книга неплохо оформлена, прекрасно издана. Но вот содержание, текст вызывают целый ряд вопросов, иногда недоумение и часто даже обиду. Недоумение связано со слишком субъективной подборкой